

Моей бабушке
Генриетте Александровне Орловой

Содержание

Вступление	5
От автора	7
Благодарности.	10

Два дома	11
Мы бесконечно благодарны	25

Городские пейзажи Сеула	47
-----------------------------------	----

Noodle Lady	91
Лунные деревни	103

Лунные деревни Пэкса, Кэми и Курён.	121
---	-----

Фасад и маска	169
Корею нужно снимать зимой. Во время дождя	181

Музейное пространство и дом архитектора Чо Пёнсу.	203
---	-----

Я верю, что людям следует быть растениями	251
Возвращение в Сеул	265

Первый многоквартирный дом в Сеуле — Sewoon Arcade и старые мастерские в районе Муллэдон	287
--	-----

Вступление

Республика Корея, в недавнем прошлом прошедшая через лишения, вторжения и войны, за кратчайший срок встала на ноги и за полвека превратилась в один из центров мировой культуры. Корейская волна, включающая в себя самый разный контент, обеспечила популярность нашей культуры во всём мире. На фоне этой популярности стали выходить научные и популярные статьи о корейской письменности хангыль, корейской кухне. Корейские кино и музыка — в топах стриминговых сервисов и на различных видеоплатформах. К-фэшн и К-бьюти находят множество поклонников по всему миру. Даже в метавселенной, всё глубже проникающей в повседневную жизнь современных людей, мы можем обнаружить влияние Кореи. И я верю в огромный потенциал нашей культуры, чья популярность обеспечивается любовью к ней жителей самых разных стран.

Тем не менее нам всё ещё не удалось решить проблему однобокого продвижения корейского контента.

Во-первых, корейская волна, умножающая число российских поклонников примерно с 2010-х, ограничивается лишь кинематографом, сериалами, поп-музыкой. Так как основным каналом распространения волны стали музыкальные и видеоплатформы, там обнаруживается преимущественно развлекательный контент с динамичным сюжетом, но с однотипной визуальной составляющей. Таким образом, глубина корейской культуры, проявляющаяся в том числе в обыденной жизни, в образе мыслей простых корейцев, оказывается непроявленной.

Автору «Современного искусства Кореи» удалось разглядеть ту сторону корейской волны, которая обычно остаётся в тени. Архитектура, культурные институции, работы художников, произведения кинематографа, представленные в этой книге, нельзя назвать малоизвестными, однако они очень далеки от популярной культуры. Автор эссе стремится разглядеть истинное лицо Кореи, понять сущность корейской волны, даже те её стороны, что обычно ускользают от внимания поклонников, поэтому в книге обнаруживаются объективный взгляд и детальный анализ халлю. Этот подход очень отличается от многих современных публикаций, лишенных искренности.

В современном мире из-за переизбытка информации тексты теряются и забываются, не сумев задеть читателя за живое. Думаю, иная судьба ждёт этот сборник эссе, где автор увлекательно рассказывает о художниках и кинорежиссёрах, фотографах и биеннале современного искусства. Здесь раскрыты самые разные стороны корейской культуры — повседневный мир «Женщины, которая убежала» Хон Сансу, болевые точки современной корейской истории, сосредоточие которых — восстание в Кванчжу, сатирические зарисовки обыденной жизни Ли Усона и его необычные бытовые сюжеты. Нельзя не оценить то, как деликатно и серьёзно к ним подошла автор эссе.

Возможно, читатель этой книги, привыкший к стандартизированному восприятию корейской волны, останется в недоумении познакомившись с текстом, он не захочет видеть такую Корею. Я же от всей души восхищаюсь зорким взглядом автора, её способностью понять суть быстроменяющегося корейского общества через призму наших стремительно преобразующихся городов. Эта способность понять и оценить аутентичность и уникальную красоту Кореи, очевидно, потребовала от автора огромного труда. Читателю, искренне любящему халлю и желающему понять её глубину, я настоятельно рекомендую эту книгу. Истина всегда кроется в тени.

Пак Чжун Гон,

*Директор Культурного центра Посольства Республики Корея, антрополог,
доктор наук*

От автора

В конце 2019 года, прямо перед пандемией, я познакомилась и подружилась с командой Культурного центра посольства Кореи в Москве. Мы обсуждали, как здорово было бы сделать специальное издание о современном корейском искусстве. Однако в марте 2020 года мир закрылся, и издание отложилось на неопределённый срок. При этом мой интерес не угас: я стала погружаться в корейскую литературу и брать онлайн-интервью у корейских художников и кураторов. И хотя не было никакой уверенности, что задуманный нами журнал про Корею когда-нибудь выйдет, у будущего номера появилась тема — память, воплощённая в архитектуре и в человеческом теле, дом как метафора тела и отношения к нему. Я поняла, что именно этот сюжет мне ближе всего из веера тем современного корейского искусства. Может быть, потому, что в нём, как в зеркале, легко увидеть отражения наших собственных, вполне российских проблем и переживаний.

И вот в конце 2022 года у нас получилось реализовать наш проект — встретиться с художниками, провести съёмку. И наконец номер вышел. Он практически целиком состоял из звучащей речи живописцев, фотографов, режиссёров, кураторов, архитекторов. И хотя я задавала им вопросы и направляла разговор, мне не хотелось включать в итоговые тексты свои реплики и комментарии. Дело в том, что мой взгляд журналиста и взгляд фотографа Юрия Пальмина, который снял несколько совершенно замечательных серий про Сеул для нашего издания, — это взгляд сторонних наблюдателей, увлечённых и очарованных страной; но всё же взгляд извне. Поэтому мне было важно подчеркнуть эту дистанцию, вынести нас за скобки повествования, чтобы мы определяли рамку, но сами художники решали, что внутри этой рамки будет изображено.

Тем не менее за скобками осталась, во-первых, большая часть фотографического материала, который никак не мог поместиться в журнал. И мне было ужасно жалко, что мы не смогли опубликовать фотосерию целиком, какими они были задуманы автором. Во-вторых, я довольно быстро обнаружила, что прямая речь художников — это, конечно, хорошо, но читателям всё же не хватает комментариев и навигации. Что работы художников предстают в ином свете, если рядом

оказываются тексты современных писателей, фильмы корейских режиссёров, что для понимания искусства необходим исторический и социальный контекст. И что если всё это добавить, у нас может получиться не плоская картинка, а, скажем, многомерный объект. Поэтому предложение издательства АСТ подготовить отдельную книгу — расширенную версию номера, но при этом очень сильно расширенную, — меня так обрадовало.

Впрочем, пока я писала свой подробный комментарий, выяснилось, что и сюжетов стало больше, и увиденных выставок, и новых знакомств с художниками, и новых разговоров со старыми знакомыми. Даже тема стала немножко другой — про поддельную и настоящую реальности. Вероятнее всего, этот сюжет пришёл в корейское искусство из буддизма. Для этого учения разговор о том, что наш мир иллюзорен и главная цель человека состоит в том, чтобы пробудиться от морока, — основа основ. Конечно, в Корее сосуществует множество разных религий — от шаманизма до протестантских бизнес-церквей. И всё же буддистская тема жизни, иллюзорного и реального миров присутствует не только в средневековой, но и — весьма обширно — в современной культуре. Не обязательно, впрочем, авторы ссылаются на буддистские корни традиции. Не обязательно даже думают о них, однако их герои часто смотрят вокруг и видят, что окружающие дома больше похожи на декорации к фильму, что по улицам идут люди, напоминающие автоматических кукол, что история, как её преподают в школах, не даёт им ощущения реальной связи с прошлым своей страны: они начинают сомневаться в её правдивости. То есть наш сюжет развивается уже не в религиозной плоскости, а описывает культурные и социальные реалии современной Кореи.

Однако всё время, пока работала над этой книгой, я сомневалась, имею ли право говорить о корейской культуре: всё-таки я не кореист, моя специальность — зарубежное искусство второй половины XX века и современности, а сложный азиатский контекст требует очень глубокого погружения, многих и многих лет, отданных теме. С другой стороны, вот вопрос — а скольких лет достаточно? Сколько нужно книг, фильмов, разговоров? Можно ли вообще говорить про другую страну, если ты не жил в ней, а только приезжал? Можно ли что-то понять про культуру, если ты в ней не родился? Вероятно, грустный правильный ответ на все эти вопросы заключается в том, что чужую культуру невозможно постичь — её можно только прожить от начала и до конца.

Тем не менее однажды я слушала artist talk художника Пака Чангёна, который рассказывал, что японская оккупация и Корейская война 1950–1953 годов для него стали прежде всего линией разрыва с исторической корейской культурой. То есть он, выросший в многоквартирном доме ребёнок, встречается с религиозными ритуалами своей страны — со всеми этими золотыми статуями в тёмных храмах, пахнущих благовониями, — и испытывает ровно те же чувства, что и иностранец, приехавший в Корею в поисках экзотической восточной культуры. Пак рассказывал, что многие годы мучился от того, что ему хотелось говорить об истории своей страны, про религиозные верования, про шаманизм, что ему было невероятно интересно,

но казалось, что он не имеет на это права, поскольку не чувствует эту культуру своей. Этот рассказ звучал для меня удивительно. И всё-таки Пак нашёл для себя выход: он смирился с тем, что образы старой культуры навсегда останутся для него вереницей призраков, которые приходят, хотят поговорить с тобой о чём-то важном, но ты не понимаешь, о чём, и никогда не поймёшь. Однако твой интерес, желание говорить с ними и о них парадоксальным образом помогает тебе понять собственную жизнь и тебя самого. Я думаю, Пак прав: мы приходим не только к другим культурам, но и к миру вообще недостаточно подготовленными, неосведомлёнными и не лучшим образом во всем разбирающимися. Однако наше желание увидеть, узнать и поделиться в какой-то момент перевешивает неуверенность, и мы начинаем лучше понимать — нет, не других, хотя бы себя.

Так что эти восемь эссе — моя попытка поделиться своим интересом; рассказать про художников, режиссёров и писателей, которые мне так нравятся; заразить читателя своей увлечённостью. Я старалась, чтобы книжка не превращалась в справочник имён, где про всех и про всё сказано по два предложения, поэтому здесь всего одна тема (но большая и, как мне кажется, важная); поэтому здесь не так много героев, зато про них я попыталась рассказать подробно; и поэтому почти все упомянутые здесь корейские книги (кроме научной литературы и исследовательских статей) есть в переводе на русский, чтобы можно было легко их найти.

И ещё один момент: однажды мне написали, что я предпочитаю рассказы про тёмную сторону Кореи — про проблемы, а не про хорошее в этой стране и не про красивое искусство. Сначала я очень удивилась, поскольку предполагала, что отличные художники, писатели и режиссёры — это и есть светлая сторона Кореи. Ещё какая светлая! Но потом поняла, что этот момент требует пояснения. Дело в том, что для людей, занимающихся современным искусством, «интересное», «наполненное смыслом» равно «красивое»: мы испытываем именно эстетическое удовольствие, когда нам удаётся ощутить глубину произведения. И наоборот: «декоративное», «приятное глазу», но страдающее дефицитом смыслов, — это «китч», нечто отталкивающее, то, на что физически неприятно смотреть. Ну, и про тёмную сторону: лучшие современные художники редко склонны делать рекламные ролики — вот, дескать, как хорошо у нас в Сеуле / Берлине / Нью-Йорке. Даже если они очень любят свои города (и особенно если они их любят), художники предпочтут говорить о том, что у них болит, о сложном, непонятном. В этом смысле тема расставания с родительским домом, стирающейся исторической памяти, страха перед технологическим будущим, которое обезличивает людей и лишает их индивидуальности, предельно корейская — и при этом, мне кажется, достаточно международная, чтобы откликнуться в наших жизнях.

В книге использована система транслитерации корейских имён собственных, сформулированная кандидатом филологических наук, доцентом Е.А. Похолковой и одобренная корееведческим сообществом на семинаре по кириллизации в Московском государственном лингвистическом университете.

Благодарности

Большое спасибо:

Моему соавтору *Юрию Пальмину* — уже много лет я не хочу работать ни с одним фотографом, кроме него.

Г-ну *Пак Чжун Гон*, директору Корейского культурного центра с 2023 года, — за тёплые и добрые слова во вступительном тексте к этому изданию,

Г-же *Ви Мён Чже*, возглавлявшей Корейский культурный центр с 2019 по 2022 год, — за то, что наш корейский проект стал возможным,

Г-же *Ечжи Кан Кайе* из Корейского фонда международного обмена КОfice — за беседы, из которых я узнала больше, чем из многих учебников,

Г-же *Елене Хохловой*, искусствоведу, специалисту по корейской культуре, — за помощь с транслитерацией корейских имён собственных,

Г-же *Ву Синхе* из Корейского культурного центра — я могла бы написать огромный список того, что Синхе сделала для этой книги, однако по факту в этой книге попросту нет того, с чем бы не помогала Синхе, без её участия это издание никогда бы не состоялось.

А также художникам *Ан Кёнсу*, *Ким Уен*, *Ким Чигон*, *Ли Усон*, *О Хёнгын*, *Чжан Чжиу*, *Кам Минкён* и *Даниэлю Капельяну*, куратору и директору музея ОСИ *Ли Чихён*, архитектору и директору Сеульской архитектурной биеннале *Чо Пёнсу* — за то, что так много мне рассказали о корейской культуре. Я знаю, что они не прочитают этот текст на русском языке, но мне всё же очень важно сказать им спасибо.

Два дома

1.

Моё знакомство с корейским арт-сообществом началось с разговора с Ли Чихён — директором музея современного искусства ОСІ в Сеуле. Мы обсуждали, какие темы привлекают молодых корейских художников: ОСІ работает как раз с ними — у музея серьёзная программа поддержки начинающих авторов. Мне казалось, их должны волновать вопросы, общие для арт-мира: экология, политические кризисы, развитие технологий и стремительная цифровизация. Но, подумав, Чихён ответила: большинство художников, с которыми она сотрудничает, волнует проблема жилья. И это касается корейского общества в целом: всех беспокоит, кто где живёт — в богатом или бедном районе, кто собирается переехать и на какие средства. По её словам, если спросить у корейца: почему ты так много работаешь? — он ответит: «я коплю на дом» или «хочу перебраться в район получше». В качестве примера Ли Чихён привела фильм «Паразиты» (2019) режиссёра Пон Чунхо¹: вот где хорошо отражена главная проблема корейского общества.

Вы, наверное, помните его сюжет: главные герои — бедняки, живущие в подвальном помещении, которое просматривается с улицы насквозь. Сын случайно становится репетитором английского в богатой семье, потом пристраивает туда же сестру — учить младшего ребенка рисованию; затем они подстраивают увольнение экономки и водителя — так на работу поступают родители. Постепенно эта бедная семья как бы захватывает богатый особняк. Мне не хотелось бы раскрывать интригу, куда интереснее поговорить про архитектурный аспект: ведь если вдуматься, главные герои этого фильма — на самом деле не люди, а дома. С одной стороны — бедняцкая полуподвальная квартира; с другой — роскошный особняк, спроектированный вымышленным великим архитектором Намгун Хёнча. Эти два дома и есть антагонисты: это они противостоят друг другу.

¹ В российских источниках имя режиссёра часто пишут как «Пон Чжун Хо».

Кадр из фильма «Паразиты». Режиссёр Пон Чунхо.
Киноккомпания Barunson E&A. 2019

К фильму «Паразиты» авторы подготовили несколько постеров, и на одном из них изображён особняк с глазами и ртом как подлинный герой фильма. На архитектурных сайтах критики писали, что создатели фильма и правда рассматривали дома как живых и активно действующих персонажей. И оба пространства, с одной стороны, предельно характерны для сегодняшнего Сеула, а с другой — были специально сконструированы для съёмок. Богатый дом — это специальный проект художника-постановщика фильма Ли Хачжуна, и в профессиональных журналах его разбирали с тем же вниманием и тщательностью, с какими рассматривали бы реальный объект от модного архитектурного бюро. Если говорить про полуподвальное жилище — панчиха, такие действительно существуют в Сеуле: художник-постановщик долго изучал, как они устроены. В частности, он рассказывал, что люди, живущие в таких помещениях, вынуждены постоянно ремонтировать, перестраивать, переделывать все элементы своего жилья, у них нет ни одной новой вещи, но каждая деталь — это буквальное, физическое воплощение своей истории, напластования различных временных слоёв, она содержит концентрированное время, которое можно пощупать руками. Постановщик специально ходил по подобным районам и брошенным квартирам, предназначенным под снос, и искал способы воплотить эти следы времени на съёмочной площадке. Может показаться, что гораздо проще было бы провести съемки в каком-нибудь настоящем доме, раз уж их так много, но в конце фильма полуподвальное жилище оказывается полностью затоплено и уничтожено сильным ливнем — такое, разумеется, нельзя повторить

Кадр из фильма «Дорога к дому». Режиссёр Ли Чонхян.
Киноккомпания CJ Entertainment. 2002

в реальном помещении. Поэтому съёмочная команда вынуждена была строить копию, но такую правдоподобную, чтобы корейцы её узнали. А когда «Паразиты» получили четыре «Оскара», в том числе как лучший фильм, и «Золотую пальмовую ветвь» Каннского фестиваля, началось настоящее паломничество в Сеул «Паразитов», и до сих пор в сети можно найти множество экскурсионных туров по подобным районам.

Внимание прессы и туристов сказалось на положении реальных жителей полуподвальных домов — их в Сеуле более двухсот тысяч. В частности, BBC выпустила материал, где сеульцы жалуются, как их обидело такое отношение: их дома — вовсе не грязные, убогие и дурно пахнущие дыры. Молодые ребята рассказывали, как гордятся своими маленькими квартирками, поскольку это их первое самостоятельное жильё, они сами обустраивали его, делали уютным. Я слушала эти истории и не могла не думать о московской реновации. Когда мэр Собянин объявил о сносе хрущёвок, многие депутаты стали ходить по таким домам и морщить нос: дескать, можно ли жить в столь убогих местах? Тогда тоже появилось множество публикаций с интерьерами хрущёвок, поскольку их владельцы любят свои квартирки, ухаживают за ними и ценят малоэтажную застройку со скверами, школами, зеленью, площадками для собак и голубятнями и совершенно не хотят переезжать в безликие и бесчеловечные высотки. Так что, полагаю, нам нетрудно понять проблемы сеульцев.

Что же касается корейской столицы, летом 2022 года там прошли сильнейшие дожди, и многие полуподвальные квартиры оказались полностью затоплены. Десятки людей погибли, потому что не смогли оттуда выбраться. Здесь, конечно,

трудно отделаться от мысли, любимой ещё Набоковым, что жизнь всегда подражает искусству. Однако в результате наводнения в Сеуле вопрос о ликвидации полуподвального жилья был поставлен ещё более решительно. Одни арендаторы рассказывали журналистам, что в таких условиях и вправду жить невозможно, но выбора у них нет. А другие — те, кто не хотел покидать свои квартиры, — стали высказывать протест ещё громче. Возможно, дело вовсе не в том, что сеульцы не хотели бы получить квартиры получше и поновее, но когда оказываешься в корейской столице, то прежде всего обращаешь внимание на бесконечное число новостроек — белых, высоких и одинаковых, — я никогда не видела столько одинаковых домов; эта архитектура кажется предназначенной как будто не для живых людей, даже враждебной живому.

Наверное, разговор с Ли Чихён поменял мне оптику, и я начала вспоминать виденные мною корейские фильмы и обнаруживать там всю ту же тему недвижимости. Многие детали, которые раньше казались несущественными, вдруг стали говорящими. Например, в фильме «Женщина, которая убежала» (2019), снятом звездой международных кинофестивалей Хон Сансу, героиня по очереди посещает всех своих подруг. И о чём же они разговаривают? А вот буквально о тех же проблемах недвижимости: а ты переехала? А сколько заплатила за квартиру? А брала ли кредит? В итоге каждой подруге героиня говорит, что хотела бы жить в таком же доме, как у неё.

— Тут отличная планировка. Наверное, поработал хороший архитектор.

— Мне так повезло: нужно было внести 500 тысяч долларов, но удалось получить скидку в 100 тысяч. Разве такие скидки вообще бывают?! Сначала я подумала, что владелец хочет меня обмануть. Но оказалось, что ему нравятся художники и он с удовольствием сдаёт квартиры творческим людям.

— Тебе очень повезло! Твой предыдущий дом нравился мне гораздо меньше, а тут классно. Хочу жить в таком доме!

— Вообще-то выгоднее покупать квартиры: цены на подобные дома не растут. Но мне нравится этот район, так что я счастлива. Я так долго жила с мамой, и с такой скидкой я не могла не согласиться.

Ещё пример — фильм «Поэзия» (2010) Ли Чхандона. В нём есть эпизод, где показано занятие кружка поэтов-любителей. Преподаватель, чтобы настроить своих уже взрослых и даже пожилых учеников на творчество, предлагает им вспомнить самый радостный эпизод в своей жизни. К доске выходит мужчина, который говорит следующее.

У меня нет прекрасных воспоминаний. Двадцать лет я прожил в подвале, в маленькой комнатке, а шесть лет назад снял квартиру. Аванс попросили небольшой, да и арендная плата тоже скромная. Так я и переехал сюда. Пожалуй, это был самый прекрасный момент в моей жизни. Помню, я растянулся на полу, раскинув ноги, и чувствовал, что весь мир принадлежит мне.

Почему этот человек растянулся на полу в форме звезды? Потому что его новая квартира настолько огромна, что он может поместиться на полу, даже если раскинет руки и ноги. То есть он прожил всю свою жизнь в помещении, где это было невозможно сделать.

2.

Любопытную параллель к «Паразитам» можно отыскать и в корейской литературе, буквально в текстах из школьной программы. Кым Сынок — прославленный писатель, его рассказы «Сеул, зима 1964 года» и «Путешествие в Мунчжин» — классика XX века. Однако в контексте темы богатых и бедных домов меня заинтересовал другой рассказ — «Силад» (1963). Честно говоря, он показался мне очень хорошим комментарием к оскароносному фильму Пон Чунхо. Их разделяют почти полвека, а конфликт — тот же самый.

Главный герой рассказа — начинающий драматург, снимающий грязную дешёвую комнатёнку в окрестностях городских ворот Тондэмуна посреди уличного рынка. Как-то раз, когда он сидел перед зеркалом, корчил рожи и смеялся, обливаясь пьяными слезами, в комнату зашёл приятель. Увидев жалкое состояние нашего героя, он предложил ему помощь: поселил у своих родственников в богатом, построенном на западный манер доме, настолько белом и стерильном, что тот во всём напоминал больницу. Рассказ начинается с момента, когда герой просыпается и не может понять, где очутился. Он описывает своё жильё.

Я медленно повернул голову и взглянул на потолок. На нем не было никакого узора, просто коричневая фанера. Если что-то и было, так это едва различимый рисунок самого дерева, напоминающий круги на воде. Кроме того, потолок был очень высоким. Не то что в моей комнате. У меня он был таким низким, что в положении стоя приходилось наклонять голову, и оклеен обоями в шестиугольниках, которые первоначально, скорее всего, были голубого цвета, но из-за подтеков дождевой воды пожелтели. Плюс ко всему, потолок в моей комнате совсем не такой ровный, как тот, который я вижу сейчас над собой: мой провис в середине и образовал параболу. Такой потолок встречается только в домах бедняцких кварталов. Да-да, моя комната находилась в трущобах Чхансиндона, недалеко от Тондэмуна. Даже если представить, что наша планета исчезла и появилась вновь, моя комната не могла быть такой чистой, как эта. Я поспешно повернул голову и взглянул на белую стену, уткнувшись в которую я спал. Если бы это была моя комната, то на обклеенной газетами стене точно должна была быть надпись, сделанная шариковой ручкой: «Все жители Чхансиндона — сукины дети!»

Я не знаю, когда появилась эта надпись, но мог предположить, что тот, кто занимал эту комнату до меня, как-то в один из дождливых дней, валяясь без дела, просто протянул руку и, не вставая с постели, написал приведенную выше сентенцию. А все потому, что эта комната, включая шум, проникающий извне, вселяла во всех своих обитателей чувство безнадежности; к тому же, кто бы ни находился в ней, не смог бы удержаться от того, чтобы не оставить такую надпись из-за отвращения к самому себе за то, что в этом огромном мире не остаётся ничего, кроме как занимать комнату, грязнее которой и быть не может².

Герой описывает семью, в которой неожиданно оказался гостем: сухонький, маленький и всем заправляющий дедушка-патриарх, который в первый же день прочитал герою лекцию о важности семейных связей и устоев, построенных с упором на дух порядка. Всё время, пока старик говорил, наш герой сидел перед ним на коленях с низко опущенной головой. Устои подразумевали жёсткий распорядок дня: подъём в шесть утра, обязательную прогулку, свои строго зафиксированные занятия для каждого члена семьи, непреременный ячменный чай в девять, пятнадцать минут на общение, неизбежная бетховенская «К Элизе» в четыре часа пополудни. И это притом, что дед на дух не выносил фортепиано, однако считал недопустимым, чтобы его невестка, занимавшаяся в школьные годы музыкой, потеряла навык. То есть жёсткие правила были неудобны и невыносимы для всех, даже для того, кто их устанавливал, однако все им подчинялись.

Удивляясь, как такой порядок и такие люди могут существовать на свете, наш герой вспоминает своих прежних соседей по трущобам — проститутку, рабочего подёнщика невероятной, почти мифической силы, хромого мужчину с десятилетней дочерью, худой настолько, что ей нельзя было дать и шести, — казалось, она всё время сидит перед ним на коленях, твердя какие-то уроки, и за малейшую погрешность отец нещадно стегал её розгой. Пока герой жил в этом окружении, он боялся, что его затянет в водоворот их отчаяния, но, оказавшись в благополучном стерильном доме под непрестанное бречание «К Элизе», он возненавидел его, и на контрасте с механическими куклами в богатом доме его прежние соседи стали казаться ему всё милее и симпатичнее: и добрая, жалостливая, мечтающая о карьере актрисы девушка-проститутка, и сказочный богатырь, способный голыми руками поднять и поменять местами глыбы, из которых сложена городская стена у ворот Тондэмуна... Как-то ночью герой наблюдал, как силач поднимается на стену и ворочает эти камни, — и увидел в нём образ всего корейского народа.

Напоминающая бесконечный холостой бег жизнь людей из трущоб не имеет ли больше смысла, чем эта? Вот что я чувствовал. Поэтому в итоге надо

² Здесь и далее цитаты даны по изданию: Ким Сын Ок. Сеул. Зима 1964. — СПб.: Гиперион, 2013. По старым правилам его имя писали в три слова.

мною начала доветь мысль о том, что какая-то из сторон ошибочна. Где-то в глубине меня было подозрение, что, в сущности, эти два подхода к жизни несравнимы, но с гораздо большей силой меня преследовала навязчивая мысль, что один из них неверен, и я не знал, с чего я так решил. Это мое убеждение крепло, и в конце концов я начал сравнивать жизнь домочадцев из нового дома с пустой оболочкой. Я думал, что жизнь в этом доме — всего лишь бесполезная обёртка, или же жизнь с ошибочным курсом, или жизнь по привычке.

В итоге наш герой пытается взорвать этот неизменный порядок: он покупает возбуждающий порошок и подмешивает его в вечерний чай, надеясь, что домочадцы не смогут уснуть всю ночь и их идеальный распорядок развалится. Сам он в ночи подходит к пианино и начинает оглушительно бить по его клавишам. Надо ли говорить, что никто из членов семьи даже не шелохнулся? Только дедушка оттащил бунтовщика от фортепьяно, и тот навсегда запомнил его железную хватку.

Легко усмотреть в этом рассказе противопоставление настоящего и фальшивого: бедной, зато живой жизни в трущобах на контрасте с богатым, ориентированным на европейский стиль, но куда сильнее — на старые конфуцианские ценности домом. Однако эту историю мы слышим вовсе не от студента-драматурга — у неё иной рассказчик, который философски заключает: каких только историй не услышишь от квартиросъёмщиков в Сеуле! И что эти дома вовсе не представляют два противоположных полюса, поскольку «одинаковы в своей безжалостности».

3.

Кажется, что все эти истории про большие и маленькие дома погружают нас в местный контекст и помогают понимать корейское современное искусство и национальный кинематограф. Но в то же время мы обнаруживаем в этом контексте собственное отражение — как в зеркале. То, что происходит в далекой стране, как будто рассказывает что-то важное о нас самих.

Параллели провести действительно легко. После войны между Северной и Южной Кореей, которая закончилась в 1953 году³, историческая застройка многих городов была практически уничтожена. В Сеуле сохранилось очень мало старинных домов. Сейчас это современный мегаполис с островками императорских дворцов и несколькими одноэтажными кварталами, тоже по большей части реконструированными. Восстанавливались города медленно — Корея была очень бедной страной. В шестидесятые и семидесятые разрыва между богатыми

³ После смерти Сталина Советский Союз перестал противиться окончанию войны — это стало поворотным моментом в переговорах и сигналом к прекращению огня. В итоге границы между Северной и Южной Кореей были зафиксированы в довоенных пределах.